

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

КУЛЬТУРА ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ

Я. Д. Исаявич

Культура Галичины и Волыни периода феодальной раздробленности интересна и своеобразна. Она характеризуется, в частности, деятельностью «словутного» певца Митусы, замечательного скульптора Авдия, ряда талантливых художников и летописцев. К сожалению, письменные источники и памятники искусства, относящиеся к этой территории, сохранились плохо, зачастую фрагментарно. В целом место Галицко-Волынской Руси в истории отечественной культуры в значительной степени определяется особенностями социально-экономического и политического развития этого края на протяжении всей раннефеодальной эпохи. Уже в VI—VII вв. на широких просторах от р. Горыни до р. Вепра сложилось объединение славянских племен во главе с дулебами. В нем видят одно из проявлений начального этапа формирования государственности у восточных славян. Однако о последующем развитии племенных образований на Волыни и в Прикарпатье известно мало. Не позже середины X в. политическое влияние Киевской Руси распространилось на большую часть этой территории, а с 981 г. и западные ее окраины — Червенские грады и Перемышльская земля — окончательно вошли в состав Киевского государства¹.

Волынское княжество к началу периода феодальной раздробленности оставалось по-прежнему связанным с Киевским. Князья на Волыни часто менялись, и ни один из них фактически не смог здесь прочно обосноваться. Начало местной княжеской династии во Владимире-Волынском было положено в середине XII в. Изяславом Мстиславичем, внуком Владимира Мономаха. Местная династия в Прикарпатье, отделившись от Волыни в последней четверти XI в., возникла ранее. Здесь образовались три княжества братьев Ростиславичей, внуков Ярослава Мудрого: в древнем Перемышле княжил Рюрик, в Звенигороде (ныне село Львовской области) — Володарь, в Теребовле на Подолии — Василько. После смерти Рюрика в Перемышль перешел Володарь. Его сын Володимирко (1141—1153 гг.), объединив Звенигородское, Перемышльское и Теребовльское княжества, избрал стольным городом Галич — недалеко от впадения р. Луквы в Днестр. Галицкому княжеству пришлось отстаивать свое право на существование в кровопролитных войнах с половцами, Польшей, Венгрией. Наибольшего расцвета оно достигло при сыне Володимирка Ярославе Осмомысле, отце воспитей в «Слове о полку Игореве» Ярославны. В зависимость от него попали Поднестровье, земли по нижнему течению Прута и Дуная — район городов Галаца и Бырлада. Галицкий князь поддерживал дипломатические отношения не только с соседями, но также с Византией и Священной Римской империей. Вполне оправданны известны строки «Слова о полку Игореве»: «Галичкы Осмомысле Ярославе! Высоко седиши на своем златокованном столе, подпер горы Угорскы своими железными плъки, заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота, меча бремени чрез облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землям текут, отворяещи Киеву врата, стреляещи с огня злата стола салтани за землями».

В 1199 г. волынский князь Роман Мстиславич, объединив Волынь и Галичину в Галицко-Волынское княжество², подчинил своему влиянию и Киев. Земли, подвласт-

¹ Я. Д. Исаявич. Територія і населення Червенських гравів (X—XIII ст.). В кн.: «Український історико-географічний збірник». Вип. 1. Київ. 1971, стор. 83.

² Политическая история Галицко-Волынского княжества в XIII в., а также вопросы его социально-экономического развития подробно освещены в книге: В. Т. Па-

ные «великому князю» Роману, простирались от Поднепровья до Посанья, от рубежей Литвы до нижнего Подунавья. Укрепив свой авторитет на Руси смелыми и успешными походами на половцев, Роман вмешался в волновавшую тогда всю Европу борьбу между императорами и папством. Смерть Романа послужила началом долговременной смуты, распада Галицко-Волынского княжества на ряд мелких владений, хозяйничанья в Галиче боярских группировок. Вовлечение боярами иностранных покровителей — венгерских и отчасти польских — во внутренние распри боярства с князьями содействовало укреплению позиций бояр и привело к почти невиданному в других русских княжествах ожесточению их борьбы с княжеской властью. Лишь после того, как было сломлено упорное сопротивление бояр, Даниил Романович в 1237 г. окончательно укрепился в Галиче, а в 1239—1240 гг., накануне Батыева разорения, — и в Киеве. Он отстраивает свою новую столицу Холм и другие города, предпринимает попытку посадить своего сына Романа на герцогский престол в Австрии, а в 1253 или в начале 1254 г. венчается королевской короной.

После смерти Даниила Галицкого (1264 г.) его сыновья значительно расширили свои владения, присоединив к ним на некоторое время Люблинскую землю и часть Закарпатья с г. Мукачево. В начале XIV в. при внуке Даниила Юрии все галицкие и волыньские земли опять объединились. Юрий I сумел даже добиться учреждения особой митрополии в Галиче. С западными соседями он и его сыновья поддерживали дружественные отношения. Польский король Владислав Локетек называл последних «непоколебимым столпом» христианского мира от «жестокого и безбожного племени татар»³. Однако, постоянно заслоняя от Золотой Орды западные территории, Галицко-Волынская Русь постепенно ослабевает. Этим обстоятельством, а также противоречиями между князьями и боярскими группировками воспользовались более сильные соседи. Во второй половине XIV в. Галицкое княжество захватила Польша, которая окончательно укрепилась здесь с 1387 г., а волыньские бояре признали власть литовского князя Любарта Гедиминовича. Таковы хронологические веки описываемого периода в истории местной культуры.

Галицко-Волыньская Русь являлась краем преимущественно земледельческим, и в сельском хозяйстве было занято подавляющее большинство населения. Основным орудием обработки земли был плуг, для распушивания вспаханной почвы применялось рало. В Галичине и Волыни археологами найдены железные лемехи и чересла от плугов, наральники, а также мотыги, ковы, лопат, серпы, косы, жернова. В середине XIII в. здесь мололи зерно на водяных мельницах. Из материалов археологических раскопок известно о возделывании ржи, пшеницы, овса, проса, вики, конопли, льна, огурцов, фруктовых деревьев. Довольно развитым было и скотоводство. Рыболовство, охота, бортничество являлись вспомогательными промыслами. В вотчинах феодалов трудились различные группы феодально-зависимого населения. Главное место в хозяйстве принадлежало крестьянам-общинникам, основной формой эксплуатации которых была натуральная рента. Так, для «кормомольников» в г. Берестье и окрестностях были установлены такие повинности «от всякого ста»: «по две лужне меду, а по две овце, а по 15 десятков льну, а по сту хльба, а по пяти цебров овса, а по пяти цебров ржи, а по 20 кур»⁴. Во многих поселениях было развито ремесло: прядение, ткачество, гончарное дело, металлургическое производство. В «Слове о полку Игореве» упомянуты «мечи харалужные», которыми были вооружены воины Романа Мстиславича. До последнего времени не удавалось сколько-нибудь убедительно объяснить этот термин. Но новейшие исследования показали, что окрестности волыньского селения Харалуг были крупнейшим центром черной металлургии от скифского времени до средневековья⁵. По-видимому, здесь изготовлялись либо харалужные мечи, либо по крайней мере металла для них.

³ Уто. Очерки по истории Галицко-Волыньской Руси. М. 1950. О событиях политической истории первой половины XIV в. см.: Я. Н. Шапов. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М. 1972, стр. 60—68.

⁴ Болеслав Юрий II, князь всей Малой Руси». Сборник материалов и исследований. СПб. 1907, стр. 152.

⁵ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. 2. М. 1962, стб. 932.

⁶ Л. И. Крушельницкая. Отчет экспедиции 1971 г. Архив Института общественных наук АН УССР г. Львова.

Часть сельских ремесленников работала не только на местные нужды, но изготовляла изделия и для продажи за пределами своего села. В основном же ремесленники сосредоточивались в городах. Здесь ремесленные профессии были гораздо более дифференцированы, техника развивалась намного быстрее. В городах функционировали гончарные и стекольные мастерские; своим умением славились городские «седельники, и лучники, и тульники, и кузнице железу, и меди, и серебру». В частности, из металла изготовлялись самые разнообразные вещи: ножницы, замки сложной конструкции, кольчуги и многое другое⁶. Художественное литье развивалось в Галицко-Волынской Руси под влиянием киевских умельцев, и киевские изделия долго считались образцовыми. Для холмской церкви Даниил Галицкий часть колоколов заказал своим мастерам («ту соль»), а остальные «принесе ис Киева». Для церкви в Любомле волыньские мастера отлили «колоколы дивны слышанием», а также «двери медяные». Памятником, свидетельствующим о высоком техническом и художественном уровне литейного дела, является колокол, сохранившийся донныне во львовской церкви Юра. Как указывает надпись, его отлил мастер Яков Скора в 1341 году⁷. Летописные данные, а также находки формочек и штампов говорят о том, что многие ювелирные изделия, обнаруженные археологами в Галичине и на Волыни, — местного производства. Ассортимент их широк: височные кольца, серьги, браслеты, энколпионы (полюе нашейные кресты-складни), изделия из кости, «сосуды жженого золота с камнем драгим». Один из шедевров древнего ремесла — найденный в Галиче золотой колт с арабесковым орнаментом, выведенным эмалью. По технике изготовления и орнаменту изделия галицко-волыньских ювелиров практически не отличались от работ мастеров других древнерусских княжеств. Это же можно сказать о всех ремесленных изделиях Галицко-Волыньской Руси, включая западные ее окраины⁸.

Важной отраслью экономики Прикарпатья было солеварение. Древняя техника выварки соли на «черинах» и формовки ее в копилки топки сохранялась на протяжении нескольких последующих столетий⁹. Как видно из «Киево-Печерского патерика», соляные варницы Прикарпатья играли главную роль в обеспечении населения Поднепровья солью. Так, в 1096 г. не смогли прибыть в Киев гости из Галича и лады от Перемышля; в результате «не бысть соли во всей Руской земли»¹⁰. Во время наводнения на Днестре в 1164 г. утонуло «человек более 300, иже бяху пощли с солью из Удеча» (из Зудеча — современного г. Жидачева). Уже в XII в. прикарпатская соль продавалась в Польше. Из Галицко-Волыньской Руси вывозили также хлеб, воск, меха, некоторые ремесленные изделия.

Значение галицко-волыньских земель в международном товарообмене определялось их положением на путях, соединявших Западную Европу с Русью и ее восточными соседями. Польский хронист начала XII в. подчеркивал: «Страна поляков известна мало кому, кроме едущих для торговли на Русь»¹¹. И почти все, кто направлялся через польские земли на Русь, проезжали через ее юго-западные княжества. Крупнейшим центром торговли западных стран с Древней Русью был Регенсбург на Дунае, где образовалось даже особое товарищество «рузариев» — торговцев с Русью¹². Из Регенсбурга в Восточную Европу вели два пути: дунайский — в Вену и города Венгрии, оттуда в Перемышль либо в Галич, другой, сухопутный, — через Чехию, Силе-

⁶ О. О. Ратич, Давньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ. 1957, стор. 29, 54.

⁷ І. Крип'якевич. Львів княжих часів. В кн.: «Нариси історії Львова». Львів. 1956, стор. 25.

⁸ О. О. Ратич. Західноукраїнські землі в епоху Київської Русі та в період феодальної роздробленості. В кн.: «Торжество історичної справедливості». Львів. 1968, стор. 60—61; М. М. Кучинко. Літописні міста Посання за археологічними даними. «Український історичний журнал», 1970, № 12, стор. 83.

⁹ Я. Ісаєвич. Солеварна промисловість Підкарпаття в епоху феодалізму. В кн.: «Нариси з історії техніки». Т. 7. Київ. 1971, стор. 100—102.

¹⁰ «Пам'ятники мови і письменства давньої України». Т. 4. Київ. 1930, стор. 151—152.

¹¹ «Anonim tzw. Gall». Kronika polska. Wrocław—Warszawa—Kraków. 1965, s. 9.

¹² К. Bosl. Wirtschaftlich-politische Beziehungen der Residenz und Freihandelsstadt Regensburg zum slavischen Osten. «Beiträge zum Südosteuropa-Forschungen». München. 1966, S. 319.

зию и Южную Польшу во Владимир-Волынский. Проходившая через галицко-волинские города дорога Регенсбург — Киев являлась отрезком магистрали, которая связывала промышленные центры Западной Европы с крупнейшими городами Востока. По этому пути западноевропейские путешественники добирались не только до Багдада и Самарканда, но даже до Пекина ¹³.

Заметную роль в международной торговле приобрела и дорога из Владимира-Волынского по Западному Бугу, далее на Литву или же в Северную Польшу, Магдебург и прибалтийские ганзейские города. Об интенсивности движения по ней свидетельствуют находки свинцовых пломб XI—XII вв. в г. Дорогичине, где у подножия городища обнаружено свыше 10 тыс. пломб. Одни исследователи считают, что они применялись как отметки стоимости меховых денег, другие видят в них товарные или таможенные знаки. Так или иначе, применение пломб связано с ролью Дорогичина как центра международной торговли. Галич через Венгерское королевство был связан с Далмацией, Северной Италией, византийскими владениями. К Византии вел и днестровский путь. Он хорошо известен по источникам конца XIV—XVI вв., но сложился гораздо раньше. Это подтверждается находкой в Хотине на Днестре крупного клада западноевропейских монет, зарытого около 1225—1230 годов ¹⁴. В составе его обнаружены многочисленные брактеаты из Германии (Саксония, Тюрингия, Гессен), денарии Фризаха (Каринтия), Венгрии, Чехии.

В XII—XIII вв. основным платежным средством в Галицко-Волынском княжестве, как и на всей территории Древней Руси, становятся серебряные, реже золотые гривны-слитки. Применение слитков при крупных торговых операциях было в то время характерно для всех стран Центральной Европы. В XIV в. в Галичине и на Волыни, как и в соседних землях, получают распространение пражские гроши. С 40-х годов XIV в. собственная крупная монета появилась в Польше, и почти тогда же (во второй половине XIV в.) приступают к чеканке монеты княжества Северо-Восточной Руси (Московское, Суздальско-Нижегородское, Рязанское), Литва и зависимое от нее удельное княжество Киевское. Не случайно и в Галичине монеты местного чекана стали известны между 1351—1354 годами ¹⁵. Правда, выпускались они от имени иноземных правителей — польским королем Казимиром III, позже — зависимым от Венгрии «князем Галичины и Лодомерии» Владиславом Опольским, венгерским королем Людовиком I, наконец, польским королем и великим князем литовским Ягайло. Однако чеканка галицких монет (полутрошей и денариев) явилась результатом всего предшествующего развития экономики самой Галицкой земли и города Львова, ставшего в первой половине XIV в. крупнейшим экономическим центром. Монетным делом занялись не католические пришельцы, а жившие здесь со времен независимости княжества армяне. На большинстве монет была надпись: «Moneta Russiae» (монета Руси) и изображение льва, ставшего гербом Львова и всей Галицкой Руси. Характерно, что денежная система Молдавского княжества сформировалась по образцу галицкой ¹⁶.

Оживленные товарно-денежные отношения способствовали росту городов. Как видно из дипломатических актов, князья поощряли международные купеческие связи и покровительствовали торговцам. «Лепшии мужи володимерьстии» долго помнили, что Роман Мстиславич их «свободил бяшет от всих обид» ¹⁷. Такую же политику проводил его внук Владимир Василькович. Даниил Романович призывал в Холм «приходяев» — мастеров, бежавших от татар, и «иноязычников». Во Львове, по рассказу местного хрониста И. В. Зиморовича, сразу же после строительства замка начали по-

¹³ В. П. Даркевич. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе. М. 1966, стр. 65—66.

¹⁴ В. М. Потин. Клад брактеатов из Поднестровья. В кн.: «Нумизматика и сфрагистика». Вып. 1. Киев. 1963, стр. 118.

¹⁵ М. Ф. Котляр. Галицка Русь у другій половині XIV — першій чверті XV ст. Историко-нумізматичне дослідження. Київ. 1968, стор. 53.

¹⁶ Л. Л. Полевой. Происхождение молдавской денежной системы. «Краткие сообщения» о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Т. 105, 1965, стр. 76.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 2, стб. 920.

селяться крестьяне, искавшие укрытия от татарских орд¹⁸. Во Львове второй половины XIII в., кроме коренного населения, имелись колонии армян и немцев, во Владимир-Волынском жили «немцы и сурозци, и новгородци, и жидове». В Галицко-Волынской Руси общинам иноземных колонистов князья предоставляли самоуправление. Так, в Перемышле Лев Данилович некому Иоанну «продал воитовство и церковь каммену святого Николая в немецкое право»¹⁹. Иностранцы колонисты в то время были сторонниками не боярского своеволия, а крепкой княжеской власти. Города служили опорой князьям в их стремлении обуздать крупных бояр. Но в целом князья представляли интересы класса феодалов и способствовали укреплению феодальных отношений в относительно более прогрессивном варианте. Именно на этой почве стало возможным значительное усиление княжеской власти.

Общность основных черт социально-экономического развития и культуры галицко-волынских земель и всей Руси, с одной стороны, а с другой — их международные связи нашли отражение и в административном строе, в частности в развитой системе государственных должностей. В Галичине и на Волыни существовали те же посадники, тысяцкие, сотские, воеводы, тиуны (князьи и боярские), что и в других русских княжествах. В XIII в. свои тысяцкие были во всех столицах княжеств, даже после объединения последних под властью одного князя. Обязанность тысяцких — оборона города; принимали они участие и в военных походах; выполняли дипломатические поручения. Являясь представителями местных боярских родов, тысяцкие нередко становились организаторами оппозиции князю. Князь, в свою очередь, старался создать центральный аппарат управления из верных себе бояр. В нем самой видной фигурой, своеобразным заместителем князя в военных, административных и судебных делах стал дворский. Эта должность, соответствующая венгерскому палатину, в остальных древнерусских княжествах встречалась редко. А к некоторым другим должностям, с которыми приходится встречаться при дворе Даниила Романовича, есть аналогии в Византии (печатник) и у западных соседей (столяник, седельничий). Впрочем, и в Галицко-Волынском княжестве, как и повсюду в Древней Руси, обязанности должностных лиц оставались слабо дифференцированными: почти не разделялось управление общегосударственными делами и вотчинным хозяйством князя. Однако все более яственной была тенденция к совершенствованию государственного аппарата, специализации его звеньев. Так, не позже начала XIV в. появляется должность судьи княжеского двора, выделившаяся, по-видимому, из круга обязанностей дворских.

Огромную роль в политической и культурной жизни Галицко-Волынской Руси играли церковные учреждения. В первой половине XIII в. епископы, являясь крупнейшими духовными феодалами, нередко возглавляли боярскую «коромолу». Упрочив свою власть, князья стали назначать епископов из числа своих сторонников. Верхушка духовенства и позже сохранила большое влияние на государственные дела, но письменность отнюдь не являлась монополией духовенства. Буквенные клейма на глиняной посуде и свинцовых пломбах, надписи на повседневных вещах (пряслица, костяная рукоятка ножа)²⁰ свидетельствуют о том, что грамотные люди были и в среде ремесленников, рядовых дружинников. В Звенигороде, Перемышле, Галиче найдены бронзовые стилусы («писала») для писания на восковых табличках, применявшихся при обучении грамоте. О существовании школ на Волыни можно сделать вывод из жития иконописца Петра, впоследствии митрополита, волынца родом. Семи лет он «вдан бывает от родителей книгам учиться», причем отмечено, что учитель был добросовестным, а мальчик сначала занимался плохо и лишь впоследствии превзошел своих сверстников²¹. О желании родителей обучать детей грамоте свидетельствует также надпись писца Иова на пергаментной рукописи поучений Ефрема Сирина

¹⁸ I. Zimorowicz. Opera quibus res gestae urbis Leopoli illustrantur. Ed. C. Neck. Leopoli. 1899, p. 42.

¹⁹ Реконструкция текста сделана А. И. Генсиорским. См.: О. М. Маркевич. Невідомо грамота князя Льва Даниловича. «Архіви України», 1968, № 5, стор. 27.

²⁰ Рукоять с надписью была найдена в Дорогичине. Текст надписи А. Поппэ читает так: «Ежковъ ножь, а иже и украде, ть проклять б[о]го[м]». См. А. Порре. Zabytek epigrafiki staroruskiej z Drohiczyna. «Studia zrodloznawcze», 1957, № 1, str. 103.

²¹ ПСРЛ. Т. 21. СПб. 1908, стр. 322; В. О. Ключевский и др. Древнерусские жития святых как исторический источник. М. 1871, стр. 74, 77.

1288 года. Из нее известно, что у Петра, тиуна князя Владимира Васильковича, был «сын именем Лаврентий, его ж уда учити с[вя]тым книгам»²². Очевидно, «учение святым книгам» не просто грамота, а более высокая ступень образования, включавшая элементы риторики, философии, юридических знаний.

Образованные люди, знатоки иностранных языков, работали в княжеских и епископских канцеляриях. Они готовили тексты грамот, вели дипломатическую переписку. В летописи, кроме ряда упоминаний о грамотах, приведен текст двух грамот Владимира Васильковича и одной — Мстислава Даниловича. Из сохранившихся многочисленных копий грамот князя Льва Даниловича подлинный текст передают лишь немногие²³. Большинство их, несомненно, подделки. Известные в оригиналах грамоты Андрея Юрьевича, Льва II, Юрия II, боярина-правителя Дмитрия Детько, предназначавшиеся зарубежным адресатам, написаны на латинском языке, с учетом общепринятых в то время правил дипломатики. Что касается рукописных книг, созданных или читавшихся в Галицко-Волинской Руси XII—XIV вв., то сохранилась лишь ничтожная их часть. Издревле находилось в Поднестровье Галицкое евангелие 1144 года. Имеющий сербо-хорватскую глаголическую основу²⁴, этот памятник интересен тем, что он представляет собой древнейшее у восточных славян евангелие — «тетр», но не «апракос», то есть сплошной текст для домашнего чтения, а не разделенный на отрывки применительно к последовательности церковных служб. Полагают, что именно в Галицкой области создана древнейшая восточнославянская (так называемая вторая) редакция текста новозаветных книг, заметно отличающаяся от первой редакции, заимствованной у южных славян²⁵. Ряд древних памятников (Христинопольский апостол XII в., Буцацкое евангелие XII—XIII вв. и др.)²⁶ сохранил монастырь южноволынского села Городище, являвшийся в XIII—XIV вв. крупным культурным центром. В Холме при Льве Даниловиче переписаны Холмское евангелие XIII в., так называемое Галицкое евангелие Григория пресвитера и Евангелие 1283 г., писанное поповичем иоанновским Евсевием. Анализ холмских рукописей обнаруживает некоторые типично народные языковые черты, все более пробивавшиеся сквозь церковнославянскую основу текста литургических книг.

О распространении книг на Волини свидетельствует летописный рассказ о князе Владимире Васильковиче. Он «бысть книжник и философ, якого же не бысть во всей земли, ни по нем не будет», беседовал этот князь с перемышльским епископом Мемном «много от книг». Как повествует летопись, князь сделал пожертвования церквям в своих городах (Владимир, Берестье, Бельск, Каменец, Любомль) и епископским кафедрам других княжеств — Луцкой, Перемышльской, Черниговской. В числе его даров летописец перечисляет и частично описывает 36 книг²⁷. Безусловно, это не полный перечень книг, пожертвованных Владимиром. Например, за его пределами остались книги, в которых упомянуто (без указания их названий и количества), что они переданы церкви в Бельске. Одной лишь церкви в Любомле князь отказал 12 томов. Очевидно, из книг князя, попавших в другие города, летопись называет только самые ценные. Во многих случаях указано, каким образом эти книги попали к князю: два сборника перешли к нему по наследству, молитвенник он купил у попады в Любомле, ряд книг «списа» (то есть заказал), а две — «сам списа». Противопоставление выражений «списа» и «сам списа» позволяет предполагать, что князь-книжник лично принимал участие в переписывании книг. Среди названных в летописи книг есть не только молитвенники и литургические тексты (Евангелие-апракос, Анос-

²² И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Вып. 7. СПб. 1867, стр. 36—39.

²³ А. І. Генсьорський. З коментарів до Галицько-Волинського літопису (Волинські і галицькі грамоти XIII ст.). В кн.: «Історичні джерела та їх використання». Вип. 4. Київ. 1969.

²⁴ І. Свенціцький. Нариси з історії української мови. Львів. 1920, стор. 29—30.

²⁵ Г. Воскресенский. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода евангелия от Марка по 112 рукописям евангелий XI—XVI вв. В кн. «Чтение в обществе истории и древностей российских». 1896, кн. 1, стр. 256.

²⁶ О. Колесса. Південно-волинське Городище і городиські рукописні пам'ятки XII—XVI вв. Чч. I—III. В кн. «Науковий збірник Українського університету в Празі». Т. I. Прага. 1923.

²⁷ ПСРЛ. Т. 2, стб. 925—927.

тол, Службеник, Триодъ, Октоих, Парамья, 12 Миней, Ирмологион), но и предназначавшиеся для чтения — Пролог двенадцати месяцев, «Соборник» и «Соборник великий» (вероятно, сборники морально-дидактических статей, аналогичные «Изборнику Святослава» 1076 г.). Обращает на себя внимание богатое собрание книг при дворе Владимира. Кроме перечисленных в списке пожертвованных, летопись сообщает о гадании князя на «книгах пророческих». Сохранились написанные по заказу Владимира Кормчая и Поучения Ефрема Сирина. Несколько позже во Владимире была создана новая редакция Кормчей, получившая распространение не только на Украине и в Белоруссии, но и в Молдавии²⁸.

С большим мастерством исполнялись во Владимиро-Волынском княжестве переплеты книг. Среди розданных Владимиром Васильковичем книг многие «окованы серебром», а золотом писанное Евангелие-апракос, посланное в Черниговскую епископию, было «оковано серебром с жемчугом и среди его Спаса с финифтом». Особенно подробно описан переплет двух евангелий, заказанных для любомльской церкви. Первое было оковано «все золотом и камением дорогым с жемчугом, и деисус на нем скванот злата, цыты великы с финифтом — чюдно видением», — с восторгом рассказывает летописец и продолжает: «а другое евангелие опракос же волочено оловиром, и цыту възложи на не с финифтом, а на неи с[вят]аа мученика Гльб и Борис»²⁹. Итак, переплет наиболее дорогих книг поверх кожи украшался золототкаными материями (оловир), металлическими накладками с изображением финифтью. Все эти богатые переплеты изготовлялись местными ремесленниками. Некоторые книги украшались прекрасными миниатюрами. Таким образом, во Владимиро-Волынском работала группа переписчиков и мастеров по художественному оформлению книги.

Летописание в Галицкой земле появилось рано, и с самого начала в нем была сильна светская струя. Вероятно, дружинником, а не попом был Василий, описавший ослепление теребовльского князя Василько Ростиславича в 1097 г. и военные действия в 1098—1099 годах. Писал он в 1113—1116 гг. и скорее всего в Перемышле, а не в Теребовле. «Повесть об ослеплении Василько», вошедшая в «Повесть временных лет», — исключительно талантливое произведение. При кажущейся простоте и безыскусности изложения Василий умело пользуется реалистическими штрихами, чтобы взволновать читателя, передать весь трагизм описываемого события. Фрагменты перемышльского летописания 80—90-х годов XI в. сохранились в составе польской хроники Длугоша, галицкие летописные известия — в Киевской летописи XII века. Местные летописцы были образованными людьми, умело пользовались литературными источниками. Так, Василий, автор «Повести об ослеплении Василько», был знаком с Начальной летописью в ее первой редакции. Отдельные места «Повести» подтверждают также знакомство ее составителя с чешскими памятниками на старославянском языке, рассказывающими о жизни и смерти князя Вячеслава³⁰. Впрочем, на Руси знали не только житие Вячеслава, но и несколько других старославянских памятников великоморавского, или древнечешского, происхождения. Один из главных путей их распространения вел через галицко-волыньские земли.

Византийские исторические и литературные памятники попадали в древний Галич из Киева и Болгарии либо непосредственно из Византии. По мнению акад. А. С. Орлова, именно в галицко-волынской области был составлен всемирно-исторический свод, дошедший до нас в виде так называемого Архивного хронографа. В него входят переводы с греческого языка византийских хроник Иоанна Малалы и Георгия Амартола, «Александрии» Псевдо-Калисфена, «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия. Эти произведения были подобраны галицкими сводчиками, поскольку в них много места занимает тема противоборства правителей и непокорных вельмож, весьма актуальная в условиях борьбы князей с засильем бояр. По-видимому, не случайно в Галицко-Волынской Руси была переведена с греческого языка и героико-эпическая поэма о Девгенесе Акрите. Мотивы ее были близки творцам дружинного эпоса. В Галицко-Волын-

²⁸ Я. Н. Щапов. Указ. соч., стр. 55—56, 68.

²⁹ ПСРЛ. Т. 2, стб. 926.

³⁰ А. И. Рогов. Жизнеописания первых чешских князей в древнерусской письменности и культуре. В кн.: «Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности». М. 1970, стр. 29—30.

ской летописи сохранились остатки песни о подвигах Романа Мстиславича, «иже бе изострился на поганья яко лев»; пересказана поэтичная легенда о евшан-зелье, половецкая по происхождению, но уже бытовавшая на Руси. Есть там упоминание и о том, что в честь ратных подвигов Даниила и Василько воины «песнь славну пояху»³¹. Польский хронист Длугош цитирует латинский перевод такой «славы» в честь победы Мстислава Удалого³². Жили там и творцы-сказители героического эпоса вроде половецкого «гудца» Оря и «словутного певца» Митусы, который был связан с перемышльским боярством и не пожелал служить холмскому князю.

Учитывая эти факты, А. С. Орлов полагал, что уже в XII в. существовала особая литературная галицко-волинская манера, которой была свойственна красочность, любовь к метафорам, рыцарская лирика, связь с западнославянской культурой. В такой манере, считает А. С. Орлов, написано и «Слово о полку Игореве»³³. По мнению Л. В. Черепнина, правомерно ставить вопрос о галицком происхождении творца «Слова», «что может быть аргументировано не только близостью галицко-волинской манеры литературного творчества к стилистике «Слова», но и политическими связями Галицкого княжества с Черниговским и Новгород-Северским»³⁴. Гипотезу о галичанине — авторе «Слова» (некоторые видят в нем книжника Тимофея) нельзя считать доказанной, хотя в первой половине Галицко-Волинской летописи есть отрывки, продолжающие свойственные «Слову» черты «рыцарской поэзии», исполненной красочности и драматизма.

Летопись XIII в., которую принято называть Галицко-Волинской, дошла до нас в составе Волинского летописного свода конца XIII—начала XIV века³⁵. Однако первая его часть (свод Даниила Галицкого) была создана примерно во второй половине 40-х — 50-х годов XIII века. Этот свод был составлен в Холме для обоснования политики Даниила, считавшего свое княжество законным наследником древнего Киева. С этой целью холмский летописец коренным образом переделал Киевский летописный свод, который включал «Повесть временных лет» и Киевскую летопись, доведенную до 40-х годов XIII века. Перед началом «Повести временных лет» сводчик, работавший в Холме, добавил перечень киевских правителей от Дира и Аскольда до Дмитрия, наместника Даниила Галицкого. Киевскую летопись первых десятилетий XIII в. он заменил собственной. При составлении последней была использована та же Киевская летопись, а также документы канцелярии и архива Даниила Галицкого, придворные летописные записи, повествования — отчеты бояр о военных походах и дипломатических акциях. Работа над летописью велась под руководством ближайших сотрудников Даниила: печатника Кирилла, холмского епископа Ивана³⁶. Сводчиком, который довел летопись до 1260 г., мог быть боярин Дионисий Павлович³⁷.

³¹ ПСРЛ. Т. 2, стб. 715—716, 813.

³² В «обратном» переводе эта песнь выглядит примерно так: «О победителю, великий княже Мстиславе Мстиславиче! О удатный сокол, ты бо испослан бе богом покорити сильных прегордых и воя их. Уже бо престанут хвалящися, яко одолевшим тя победу принять. Се бо уже тобою, пресветлый и словутный господине наш, все побезеди и уничижени суть» (реконструкция А. И. Генсюрского. См. А. И. Генсюрский. Галицко-Волинський літопис. Процес складання, редакції і редактори. Київ. 1958, стор. 77). Кстати, летопись именует Мстислава «удатным», то есть удачливым, что было переделано историками на «удалой».

³³ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л. 1964, стр. 204.

³⁴ Л. В. Черепнин. Летописец Даниила Галицкого. «Исторические записки». Т. 12. 1941, стр. 239.

³⁵ Характеристику Галицко-Волинской летописи и ее редакций см.: В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 101—133; А. И. Генсюрский. Галицко-Волинський літопис. Процес складання...; его же. Галицко-Волинський літопис. Лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості. Київ. 1961; О. Білецький. Українські літописи XIII—XVI ст. В его кн.: «Зібрання праць у п'яти томах». Т. I. Київ. 1965, стор. 250—260.

³⁶ Возможно, именно печатник Кирилл позже стал киевским митрополитом Кириллом II, хотя гипотеза о тождестве этих лиц не доказана. Епископ Иван, по предположению А. Генсюрского, — бывший седельничий Иван Михалкович, сын Михалка Сукулы.

³⁷ А. И. Генсюрский. Галицко-Волинський літопис. Процес складання..., стор. 80—81.

В отличие от многих других летописных памятников летопись Даниила Галицкого — связанное повествование, без хронологической сетки. Поздний переписчик по собственному разумению внес даты в Ипатьевский список летописи, допустив при этом грубые ошибки. Поэтому более близки к первоначальному варианту не имеющие хронологии списки, найденные на Украине, — Хлебниковский, Погодинский, киевский список Марка Бундура. В летописи Даниила Галицкого налицо гораздо меньший налет церковности, чем в летописях, писавшихся в монастырях. Автор — выразитель взглядов верных Даниилу бояр и боярской дружины. В центре внимания стоит борьба с «коромолой» враждебных князю бояр и с внешними врагами. Летопись представляет собой биографию князя, прославляет подвиги Даниила и его дружинников³⁸. Составитель летописи был человеком начитанным. В его тексте есть извлечения из византийских хроник Иоанна Малалы и Георгия Амартола, из «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, «Александрии». Очевидно, они были взяты из составленного в Галицко-Волынской земле компилятивного хронографа. Изречение о лести, которая «до обличенья сладка есть, обличена же — зла есть», летописец приписывает Гомеру, хотя ни в «Илиаде», ни в «Одиссее» таких слов нет. Холмский книжник нашел их в одном из сборников эпиграмм, приписывавшихся Гомеру еще в античной Греции и позже в Византии³⁹. Летописец часто приводит и народные поговорки, соответствующие его взглядам: «Не погнешши пчел, меду не едать», «Един камень много горницьев избивает»⁴⁰. В своем рассказе он стремится избежать однообразия. Речь его насыщена метафорами, иногда риторически напыщена, но не теряет, однако, взволнованности, умело передает драматизм событий. Есть места высоко поэтичные.

Летописец умеет быть справедливым и к своим противникам, ему чужда проповедь исключительности своего народа и ненависти к иноплеменикам. В то же время в полный голос звучит патриотический призыв: «Луче есть на своей земли костью лечи, нежли на чужей славу быти»⁴¹. Автор гордится соотечественниками, когда они не только не уступают иностранцам, но в чем-то превосходят их. Постоянное применение к Галицко-Волынской земле таких слов и выражений, как «русский обычай», «Русь», «Русская земля», является отражением основной идеи свода: подчеркнуть, что эта земля — неразрывная часть всей Руси, показать Даниила закономерным продолжателем дела князей Древней Руси периода ее наибольшего могущества, избрать Галич и Холм «вторым Киевом»⁴². Волынская часть летописи начинается 1261 годом (по хронологии Ипатьевского списка)⁴³. В основе своей она составлена кем-то из окружения владими́ро-волинского князя Владимира Васильковича в последние годы его жизни. По случаю смерти князя в текст включена написанная другим пером похвала Владимиру, значительная часть которой — парафраза «Слова о законе и благодати» Илариона. Вероятное место пребывания летописца — городок Любомль, где любил бывать владимирский князь.

После смерти Владимира Васильковича летопись была продолжена при его наследнике Мстиславе Даниловиче, возможно, тем же автором, но уже с несколько иных политических позиций. Мстислав сочувствовал активной политике Льва на Западе, был сторонником единения всех частей Галицко-Волынского княжества, и это отразилось в летописи. По образцу холмского летописца, его коллега из Владимиро-Волынского княжества также отказался от чисто летописного повествования и, за немногими исключениями, не указывал дат событий. Однако в его рассказе больше последовательности, и в этом волинский летописец продолжает традиции киевских летописей, из которых у него есть и прямые заимствования. Если холмский летописец отражал точку зрения верных князю бояр, то волинский учитывал то обстоятельство, что опорой княжеской власти все более становились «простые люди», горожане, крестьяне-общинники. Первый воспевал рыцарские подвиги феодальных дружин, второй по-

³⁸ ПСРЛ. Т. 2, стб. 767, 773, 812, 822.

³⁹ Б. Барвінський. Гомер в Галицькій літописі. «Записки Наукового товариства ім. Шевченка». Т. 117—118. Львів. 1914, стор. 60.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 2, стб. 736, 763.

⁴¹ Там же, стб. 716.

⁴² А. І. Генсьорський. Галицько-Волинський літопис. Процес складання..., стор. 86—90.

⁴³ Л. Б. Черепнин. Указ. соч., стр. 228—229.

нимал преимущество массовой армии, всенародного ополчения при отпоре татарскому нашествию. Да и сам волынский летописец происходил, очевидно, не из именитых людей. С видимым удовольствием пишет он о подвиге, который совершил «не боярин, ни доброго роду, но прост сый человек, ни в доспесе...». Подчеркнуто летописцем, что Владимир Василькович и Мстислав Данилович «правдолюбьем светяся» не только к боярам, но и «ко простым людям»⁴⁴.

Волынский летописец в отличие от холмского и своей стилистической манерой ориентировался на более массового читателя. Он избегает витиеватых оборотов, ассоциативной образности. Главное его достоинство — конкретность и ясность изложения. В языке летописца меньше церковнославянизмов, зато сравнительно много языковых элементов, которые становились характерными для народного разговорного языка⁴⁵. В летописи упомянуты и частично пересказаны отдельные «славы» — величальные песнопения, с которыми имеют общие черты обрядно-величальные колядки, представляющие собой очень древний пласт народно-поэтического творчества. В эпоху феодальной раздробленности они уже были распространены и обогатились новыми мотивами. Предпринимались попытки отыскать в колядках летописных героев. Например, в «воине Иванко» некоторые исследователи видят Ивана Берладника. Другой пример живучести в фольклоре мотивов, восходящих к концу XI—XIII вв., — сказания о Боняке. Этот половецкий хан, наделенный в летописи сказочными чертами, в поздних западноукраинских сказках выступает с летописным эпитетом «шелудивый». С галицко-волынскими землями XII—XIII вв. связывают и ряд былин — о Дюке Степановиче и Чуриле Пленковиче, иногда также о Потоке, Дунае и некоторые другие. Тот факт, что эти былины сохранились только в России, хорошо иллюстрирует наличие культурных связей всех восточнославянских земель в эпоху феодальной раздробленности.

Наблюдаются также взаимовлияния и в области литературы, которые становились возможными благодаря переездам ученых людей, церковных и политических деятелей из одного княжества в другое. Так, поставленный Даниилом Галицким на киевскую митрополию Кирилл, в котором видят одного из руководителей княжеского летописания, после 1250 г. на долгие годы поселился в Северо-Восточной Руси. Считают, что житие Александра Невского, во многом напоминающее летописное жизнеописание Даниила Галицкого, было написано именно Кириллом или, что более вероятно, одним из галицких книжников, прибывших на север вместе с ним⁴⁶. В 1274 г. под руководством Кирилла собор епископов во Владимире-на-Клязьме принимает новую редакцию Кормчей, которая, в свою очередь, становится основой для владимиро-волинской редакции 1286 года. Во второй половине XIV в. в Северо-Восточную Русь переселяется из Волыни князь Д. М. Боброк-Волинский. В последующие годы подобные переезды книжников тоже имели место. Б. А. Рыбаков полагает, что «во времена Дмитрия Донского в московскую культуру влилась какая-то волынская струя, быть может, со «Словом о полку Игореве» во главе. В составе этой струи могли быть и былины о Романе Мстиславиче, сложенные в свое время народом Волинской земли и дожившие свой век в чуждой им московско-новгородской среде»⁴⁷.

Выразительный пример развития в Галицко-Волинской Руси культуры своеобразной и в то же время в основных чертах оставшейся в русле древнерусских традиций — зодчество этого края. Как и повсюду на Руси, большинство сооружений здесь строили из дерева, каменными первоначально были почти одни храмы, реже княжьи палаты. Постройки древнейшего культурного центра на западе Руси — Владимира-Волинского говорят о тесных его связях с Киевом⁴⁸. Сохранившийся (в реконструкции) владимирский Успенский собор, строительство которого было завершено в 1160 г.,

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 2, стб. 853, 870.

⁴⁵ А. І. Генсьорський. Галицко-Волинський літопис. Лексичні..., стор. 48, 50, 143—150, 234.

⁴⁶ Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. «Труды» Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ТОДРЛ). Т. 5. М.-Л. 1947, стр. 52.

⁴⁷ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М. 1963, стр. 152.

⁴⁸ «Історія українського мистецтва» Т. І. Київ. 1966, стор. 205—206.

повторяет план Успенского собора Киево-Печерской лавры. Это типичный шестистолпный одноглавый храм с тремя апсидами по восточному фасаду. Он очень похож на такие современные ему сооружения, как церкви Кирилловская и Богородицы Пирогощей в Киеве, раскопанный в 1953 г. Переяславский храм, Борисоглебские соборы Чернигова и Смоленска, Успенский собор черниговского Елецкого монастыря. Тот же тип постройки представляла во Владимире «Стара катедра» — загородный храм. Возможно, во владими́ро-волы́нском Успенском соборе четче были выражены элементы романской архитектуры, не сохранные реставраторами. С волы́нским зодчеством было тесно связано и гродненское. Начало ему, судя по многим сходным чертам, положили мастера из Владимира-Волы́нского⁴⁹. Однако очень скоро в Гродно сложилась местная архитектурная школа. В ней много своеобразного, в первую очередь нарядное убранство фасадов с вмонтированными в кирпичную стену керамическими плитками и камнями разных оттенков.

Оригинально и зодчество Галичины. Основы его своеобразия могли быть заложены еще в то время, когда Прикарпатье поддерживало тесные политические и культурные связи с Великоморавским государством (конец IX — начало X в.). Именно к этому периоду некоторые исследователи (Е. Хаврот, В. Ярема) относят постройку в Перемышле белокаменной церкви — ротонды с круглой алтарной апсидой. План ее точно такой же, как у ротонд конца IX в. в Левом Градце (Чехия) и Старом Месте в г. Угерске Градиште (Моравия)⁵⁰. Если считать, что перемышльская ротонда сооружена несколько позже, то все равно есть основания видеть в ней, как и в аналогичных чешских и польских ротондах XI в., отражение великоморавских традиций⁵¹. Белокаменным был и раскопанный в 1956—1964 гг. вблизи ротонды трехнефный, по-видимому, четырехстолпный, храм. Исследователи не без оснований считают этот храм кафедральным собором перемышльского князя Володаря Ростиславича (1092—1124 гг.). Это подтверждает и находка здесь свинцовой печати Давида Игоревича, посетившего Перемышль, по летописным данным, в 1099 году. Раскрыты фрагменты узорчатого, вымощенного камнем пола, треугольные и прямоугольные майоликовые керамические плитки, отдельные резные архитектурные детали⁵². О том, что церковь по образцу романских храмов Запада имела подземные крипты (сводчатые помещения), можно заключить из рассказа польского историка XV в. Яна Длугоша. По его словам, в 1412 г. в Перемышле побывал король Владислав Ягайло. Желая очистить себя от клеветнических обвинений, якобы он потворствует «схизматикам», король приказал «кафедральную церковь в Перемышльском замке, прекрасно сооруженную из тесаного камня, ... переменить на латинский обряд, выбросив из гробов тела и прах русинов». Впоследствии храм разобрали, а камни католики употребили на строительство собора, предвзято «смыв с них схизму» в р. Сане⁵³.

В Галиче археологические раскопки ведутся с перерывами в течение почти ста лет. Здесь выявлено расположение не менее 30 каменных монументальных сооружений, однако лишь часть их изучена археологами. Для уточнения датировки большинства памятников пока нет достаточных данных, поэтому не представляется возможным определить, не относится ли какой-либо из них ко времени правления удельного галицкого князя Григория Васильковича (умершего в 1141 г.) или создателя объединенного Галицкого княжества Володимирко Володаревича. Согласно летописи, при Володимирко хоры «божницы» Спаса были соединены с княжеским дворцом переходами, такими же, какие позже были устроены во дворце владими́ро-суздальского князя Андрея Боголюбского. Сооружение самого крупного в Галиче храма — Успенского собора связывают с созданием здесь епископии в 1157 г., при Ярославе Осмомысле.

⁴⁹ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. «Материалы и исследования по археологии СССР». № 41. 1954, стр. 202.

⁵⁰ V. Richter. Die Anfänge der grossmährischen Architektur. «Magna Moravia». Praha. 1965, tabl. IV, № 17; tabl. V, № 1, S. 173—174. 192.

⁵¹ J. Hawrot. Problematyka przedromanskich i romańskich rotund bałkańskich, czeskich i polskich. «Biuletyn historii sztuki», 1969, № 3—4, str. 279.

⁵² A. Żaki. Przemyska cerkiew Wołodara w świetle źródeł pisanych i archeologicznych. «Sprawozdania z posiedzeń komisji PAN». Kraków. 1968, str. 47—50.

⁵³ J. Długosii. Historiae Polonicae liber XII. «Opera omnia». T. 13. Cracoviae. 1877, p. 148.

Белокаменный четырехстолпный Успенский собор был окружен с трех сторон открытыми галереями. При кладке стен пользовались техническими приемами, совершенно неизвестными в Киевской Руси X—XII вв.: они сооружались из двух рядов тщательно обработанных блоков известняка, пространство между которыми заполнялось камнями и заливалось раствором извести с прибавлением мелкого угля и золы. Это чисто романская кладка. Романскими были и декоративные детали (аркатурно-колончатый пояс, порталы). Успенский собор — яркий образец галицкой архитектурной школы. По мнению большинства исследователей, ее особенность заключается в органическом соединении византийско-киевской пространственной композиции с романской строительной техникой и элементами романского декоративного убранства. Впрочем, в декоре храма было много своеобразного. Так, разноцветные майоликовые плитки пола образовывали узоры, напоминающие строчную вышивку.

К середине XII в. романская строительная пластика была уже общепринятым в галицком зодчестве приемом. Фрагменты колонн и полуколоннок, капителей были обнаружены не только среди остатков ряда храмов древнего Галича, но и в других городах — Василеве на Буковине, Звенигороде. Резной наряд сохранился только в храме Пантелеймона близ Галича, у слияния Залуквы с Днестром. Здесь порталы обрамлены колоннами с капителями коринфского ордера. Западный, главный портал — перспективный, уходящий в глубь стены. Его верхняя часть украшена стилизованным орнаментом, перевитым жгутами. Для романских деталей этой церкви есть близкие аналоги в некоторых храмах в Венгрии. В Галицкой земле еще в дохристианскую эпоху была развита не только резьба, но и круглая скульптура. Связи Галичины с западным предроманским и романским искусством проявились в том, что здесь наряду с трехапсидными крестовокупольными храмами продолжали строить круглые церкви — ротонды. Это было связано с традициями, укоренившимися ранее. Так, перемышльская ротонда XII — первой половины XIII в. с круглой апсидой полностью повторяет план древней перемышльской ротонды, однако выполнена с применением более совершенной техники строительства. Похожа на нее Ильинская церковь в древнем Галиче, но тут к ротонде с круглой апсидой примыкает с запада прямоугольное помещение, соответствующее бабинцу трехчастных церквей. Строились ротонды и более сложного плана, например, с четырьмя апсидами в Побережье близ Галича. Сравнительно поздние ротонды во Владимире-Волынском весьма оригинальны: одна, восьмиапсидная, имеет как бы волнистые стены; во второй своды поддерживались внутренней круговой колоннадой.

Убранство галицких и отчасти владими́ро-волинских храмов декоративной резьбой известно только по археологическим находкам. О замечательных храмах Даниила Галицкого в Холме мы знаем главным образом по летописному рассказу. Летописец сообщает, что в построенных при Данииле Козьмодемьянской и Ивановской церквях своды были четырехстолпные. Особенной красотой — «красна и лепа» — отличалась церковь Ивана. В ней капители опорных столбов украшали резные скульптурные маски — «четыре головы челоуецких», изваянные «неким хытрцом». У входа в алтарь возвышались колонны из каменных монолитов. Внутренняя поверхность купола была со «звездами златыми на лазури». В окнах красовались «римские стеклы» (витражи). Порталы древние мастера оформили «каменем галицким и белым и зеленым холмским»; резьба на них столь поразила летописца, что он сообщил имя скульптора — «хытрца» Авдия. На главных дверях «бе изделан Спас, а на полунощных святыи Иван, яко же всем зрячим дивитися бе... Внутрьний же... помост бе слит от меди и от олова чиста, яко блещатися яко зерцалу»⁵⁴. Достоверность сведений летописца подтверждается тем, что при раскопках Холмского городища обнаружены сотни килограммов сплава меди и свинца. Очевидно, это остатки пола церкви, сгоревшей во время пожара в 1256 году. Сразу после пожара Даниил принялся восстанавливать город и уже в 1257 г. «созда же церковь привелику... во имя пресвятыя приснодевы Марии, величеством, красотю не менее сущих древних и украси ю пречюдными иконами». Князь привез «от земли Угорьския» и распорядился поставить перед царскими вратами «чашю... мрамора багряна, изваяну мудростью чюдну, и змиевы глаза беша округ ея». В ней епископ Иван устроил крестильницу для освящения

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 2, стб. 843—844.

воды на богоявление, дополнив деталью, выточенной «от дерева красна» местными мастерами. Внешний и внутренний вид чаши был «дивлению подобен»⁵⁵, — отмечает летописец.

Рассказ о богатстве резных украшений подтверждают находки фрагментов капителей и других архитектурных деталей. Среди каменных скульптур Холма выделяется каменное изваяние орла, поставленное на специальном каменном столпе. Эта скульптура могла иметь геральдическое значение, как и изображение орла на галицких керамических плитках. В повествовании летописца о строительстве храмов и оборонительных сооружений Холмского града встречаются слова о том, что Даниил «посади... сад красен». Это можно понимать так, что строители Холма включили сад в план создания единого (пользуясь современным термином) архитектурно-паркового ансамбля. Летопись показывает планомерный, целенаправленный характер градостроительной деятельности Даниила и его брата Василько Романовича. Еще до монгольского нашествия были сооружены города-замки Данилов, Кременец, Угровеск, Холм («его же татарове не возмоща прияти, егда Батый всю землю Рускую поима»). После Батыева похода Даниил «бе... грады иныя зиждай противу безбожным татаром»⁵⁶ — Львов и другие. Мастерство волынских градостроителей вызывало удивление иностранцев. Так, в 1232 г. венгерский король «пришедшу ему Володимеру, дивившуся ему, рекшу: яко така града не изобретох ни в немецких странах»⁵⁷. При князе Василько и его сыне Владимире Васильковиче работал выдающийся специалист градостроительного дела «муж хитр» Алекса, «иже многы города рубя». Его посылал Василько с заданием «изнайти таково место город поставити. Сей же изнашед место таково и приеха ко князю и нача поведати. Князь же сам еха с бояри и слугами и улюби место то., и отереби е, и потом сруби на нем город и нарче имя ему Каменец, зане бысть земля камена»⁵⁸. Кроме Каменца, возведенного на «пустом месте», Владимир Василькович «многы города зруби», в том числе и Берестье.

О строительной деятельности других князей нет пространных сообщений в летописях, а памятники материальной культуры дошли до наших дней далеко не все. Сохранившиеся сооружения, как и скудные летописные сведения, подтверждают, что во второй половине XIII в. на Волыни развертывается строительство каменных оборонительных башен. Уже при Данииле Галицком нижний ярус «вежи» в Холмском замке был каменным, но основная его часть «создана... дровом тесаным и убелена яко сыр, светящися на все стороны»⁵⁹. По-видимому, при преемниках Даниила были сооружены две каменные башни, охранявшие ближние подступы к Холму со стороны Польши: Столпъенская, позже Белавинская. В Каменце Владимир Василькович «сзда... столп камен высотой 17 сажней, подобен удивлению всем зрящим нань», а в Берестье — «стълп камен высотой, яко и каменецкий»⁶⁰. Его наследник Мстислав Данилович в 1291 г. «в Черторийску в городе заложи столп камен». Были башни и в других городах. Из них хорошо сохранилась только Каменецкая, сложенная из брусчатого кирпича с желобками. В ней весьма явственны раннеготические формы — своды с «гирьками», стрельчатые проемы окон с трехлопастным завершением⁶¹. Такая же кладка стен, как в Каменце, была осуществлена в Луцком замке. Надо полагать, что строительство этого замка началось при Мстиславе Даниловиче в 90-е годы XIII века. Этот замок, а также и волынские башни свидетельствуют о влиянии на древнерусскую оборонительную архитектуру сооружений западных соседей — Польши, Южной Германии. Непосредственными исполнителями западных по стилю конструкций, вероятно, были немецкие колонисты и другие иностранцы, осевшие в городах Галицко-Волынской Руси и соседних стран. Зачастую трудно определить конкретные пути приобщения к романскому и готическому искусству. Лишь в отдельных случаях источники

⁵⁵ Там же, стб. 846.

⁵⁶ Там же, стб. 786, 843, 854.

⁵⁷ Там же, стб. 510.

⁵⁸ Там же, стб. 876.

⁵⁹ Там же, стб. 844.

⁶⁰ Там же, стб. 925, 927.

⁶¹ П. А. Раппопорт. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. Л. 1967. стр. 204.

содержат указания на этот счет. Так, по словам Новой Свентокшижской летописи («рочника»), волыньские русины, заняв около 1243 г. Люблин, «начали строить для себя замок и соорудили каменную башню»⁶². Возможно, в строительстве участвовали люблинские мастера, приемы которых были сразу же перенесены на Волынь.

Связи с Западом в области искусства, как и культуры вообще, отнюдь не были односторонне направленными. Польские исследователи справедливо считают появление в Польше узорчатых полов из майоликовых плиток одним из проявлений связей с восточнославянским и византийским искусством⁶³. Пожалуй, наиболее типичны такие полы для галицко-волыньских земель, и естественно предположить, что именно отсюда их заимствовали польские строители. Возникшее в Галиче своеобразное направление зодчества и монументальной резьбы по камню быстро привилось во Владимиро-Суздальской Руси. Еще в начале XII в. здесь строили по киевским образцам. Однако политические связи галицких князей с владимиристо-суздальскими содействовали тому, что последние стали приглашать мастеров из Галичины. О галицком происхождении великорусской белокаменной архитектуры писали в свое время Д. В. Айналов, Д. Н. Бережков, Ф. Галле, Н. П. Кондаков и другие исследователи. Археологические открытия последних десятилетий, в частности работы М. К. Каргера, Н. П. Воронина, Г. К. Вагнера, окончательно разведали сомнения относительно роли древнего Галича в формировании владимиристо-суздальской архитектуры и ее скульптурного убранства.

Точное совпадение не только плана, но и размеров отдельных деталей церкви Спаса в прикарпатском Галиче и построенного Юрием Долгоруким Спасо-Преображенского собора в Переяславле-Залесском, как и орнаментальный мотив карниза в последнем «не оставляют сомнения, что мастера прибыли на строительство Юрия из Галича»⁶⁴. Однако в храмах Юрия Долгорукого еще нет скульптурного декора, что объясняют грекофильством этого князя. Зато резные детали стали широко применяться в постройках Андрея Боголюбского (Успенский собор во Владимире-на-Клязьме, Боголюбский дворец, церковь Покрова на Нерли). Тесные контакты галицкого и владимиристо-суздальского искусства сохранялись в первой половине XIII века. Это видно на примере одного из шедевров русской архитектуры — Георгиевского собора 1234 г. в Юрьеве-Польском. Стилистический анализ скульптурного декора храма позволил сделать вывод, что слово «Баку[н]» рядом с рельефом Спаса — подпись прибывшего из Галичины главного мастера скульптуры Георгиевского собора. Общие черты с галицким искусством обнаружены в орнаменте деталей, созданных подручными Бакуна. Очевидно, он привел и других мастеров-галичан либо доставил владимирским резчикам образцы прориси⁶⁵. Заслуживает внимания мнение о том, что волыньские башни второй половины XIII — начала XIV в. стали образцом для появившихся во Владимиро-Суздальской и Новгородской Руси башнеобразных колоколен и храмов⁶⁶. Первый такой храм в Москве — кремлевская церковь Ивана Лествичника, сооруженная по заказу митрополита — волынец Петра (заменена в 1505 г. также столпообразной колокольной Иваном Великим).

Параллельно с архитектурой в Галицко-Волыньской Руси развивалась монументальная живопись, но последняя отличалась большим консерватизмом. Как правило, росписи храмов фресками производились по княжескому заказу. В 1160 г. по поручению Мстислава Изяславича был расписан только что сооруженный собор во Владимиро-Волыньском. В том же городе Владимир Василькович «списа святого Дмитрия всего», а в Любомле «списа все три олтари и шия вся съписана бысть». Фрагменты штукатурки со следами фресок были выявлены во Владимиро-Волыньском, Галиче, Перемышле. Современники высоко ценили мастерство галицких художников-монумента-

⁶² «Dzieje Lublina». T. 1. Lublin. 1965, str. 38.

⁶³ См. М. В. Малевская. К реконструкции майоликового пола нижней церкви в Гродно. В кн.: «Культура Древней Руси». М. 1966, стр. 150.

⁶⁴ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 1. М. 1961, стр. 109.

⁶⁵ Г. К. Вагнер. О главном мастере Георгиевского собора 1234 г. в Юрьеве-Польском. «Советская археология», 1966, № 3, стр. 105.

⁶⁶ М. А. Ильин, П. Н. Максимов, В. В. Косточкин. Каменное зодчество эпохи расцвета Москвы. В кн.: «История русского искусства». Т. 3. М. 1955, стр. 422; Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 2. М. 1962, стр. 168—169.

листов. В конце XIV—XV в. их часто приглашали расписывать костелы в города Польши. Местная иконопись развивалась в Галицко-Волынской Руси под влиянием киевской, которая здесь высоко ценилась. Перечисляя «чюдные» иконы, которыми Даниил Галицкий украсил холмскую Ивановскую церковь, летописец счел достойными упоминания только привезенные князем из Киева и его сестрой из Овруча. Зато при описании деятельности Владимира Васильковича летописцы в одних случаях отмечают, что князь передал храмам иконы или украсил их окладами, в других — что князь эти иконы «списа», то есть заказал на месте.

Древнейшие сохранившиеся иконы Галичины относятся к XIII в. — «Покров» (Киевский государственный музей украинского искусства) и, возможно, фрагмент иконы со святыми в рост, вывезенный во Львовском музее украинского искусства на обороте деисусной иконы XV в. из с. Явора, Турковского района. «Покров» исследователи относят к домонгольскому периоду. Уникальна композиция этой иконы, не имеющая прямых параллелей в древнерусском и византийском искусстве. В суздальско-московском иконографическом типе «Покрова», укоренившемся в XV—XVI вв. и в Галичине, богородица изображалась с покровом в руках, в новгородском — риза-покров, поддерживаемая ангелами, парит над ней. В отличие от всех других икон на эту тему в древнегалицкой богородица изображена с младенцем на лоне, а дугообразный покров над ней напоминает завесу, изображенную на иконе в константинопольском Влахернском храме. Полагают, что непосредственное знакомство галицких художников с византийским памятником дало толчок развитию самостоятельной иконографии Покрова, культ которого ассоциировался с идеей защиты от внешних врагов. Характерно, что этот культ примерно в одно и то же время развивался в разных княжествах, но иконография его различна: каждое княжество стремилось мотивировать идею избранности своего государства, особо покровительствуемого «небесной заступницей» в борьбе за независимость⁶⁷. Интересная по иконографической схеме и цветовой гамме, галицкая икона весьма несовершенна по технике живописи. Очевидно, это примитивная копия с оригинала, являющегося переработкой влахернской иконы⁶⁸. Наличие такого рода копий свидетельствует о том, что уже в первой половине XIII в. станковая живопись стала массовым жанром; что наряду с мастерами, обслуживавшими соборы и другие главные городские храмы, было много живописцев, работавших для широкого круга заказчиков из сельских и «рядовых» городских церквей.

Из работ художников высокого профессионального уровня сохранилась икона богоматери-Одигитрии конца XIII—XIV в. из Покровской церкви г. Луцка (хранится в Киевском государственном музее украинского искусства). Поражает мужественная печаль во взгляде матери, цельность и эпическая величественность ее образа. Известная Ченстоховская икона, столь популярная в Польше, в XIV в. была вывезена из Галичины. Галицкое изобразительное искусство XIV в. достойно представляет известная икона Юрия-змеборца на черном коне (из с. Станыли близ г. Дрогобыча, хранится во Львовском государственном музее украинского искусства). В ней нет ничего лишнего. Ритм линий и четко ограниченных цветовых пятен подчинен единому художественному замыслу: создать образ бесстрашного воина, верного своему долгу. На светло-сером фоне выделяются темный силуэт коня с всадником и развевающийся красный плащ воина. Удивительное сочетание динамизма и гармонической уравновешенности отдельных элементов композиции говорит о мастерстве художника. Памятники конца XIV в.: Преображение из с. Бусовыск (хранится во Львовском государственном музее украинского искусства), Успение из с. Жукотына (находится в Санокском музее) и ряд памятников XV в. остаются в русле художественных традиций эпохи Галицко-Волынской Руси. Им свойственны индивидуальная манера отдельных мастеров, лаконизм и цельность композиции, сдержанность колорита и одновременно умение пользоваться цветовыми контрастами, эмоциональная насыщенность образа-символа. Эти черты, органически сливаясь в ходе дальнейшего развития со многими новшествами, стали впоследствии одним из компонентов национального своеобразия местного изобразительного искусства. Так, во многих произведениях народного декоративного искусства За-

⁶⁷ Л. С. Милыева. Памятник галицкой живописи XIII в. «Советская археология», 1965, № 3, стр. 253.

⁶⁸ Там же, стр. 256; «Історія українського мистецтва». Т. I, стор. 338—340.

падной Украины (ковры, вышивки, писанки) справедливо видят использование и творческое развитие мотивов, бытовавших еще в галицко-волынскую эпоху.

Культура Галицко-Волинской Руси развивалась в неразрывной связи с жизнью, с социально-экономической и политической историей края. И вполне заслуживают доброго слова потомков те деятели культуры, которые в трудную минуту были с народом, выступали идеологами освободительного движения. Достаточно вспомнить книжника Тимофея, который в Галиче поднимал людей на борьбу против иноземных оккупантов. В полный голос звучит патриотическая тема в летописях и фольклорных произведениях, в памятниках изобразительного искусства и зодчества. По уровню культурного развития Галицко-Волинская Русь на протяжении столетия после монголо-татарского нашествия не отставала от соседей, а в ряде случаев даже стала родиной творческих импульсов, обогативших сокровищницу восточноевропейской культуры того времени. Галицко-волинская культура доказала свою жизнеспособность, обогащаясь как в результате внутреннего развития, так и в ходе международных связей и не теряя при этом восточнославянской специфики. В целом Галицко-Волинской земле принадлежит почетное место в формировании древнерусской, а позднее и украинской культуры, в закреплении ее связей с культурой братских русского и белорусского народов, а также с культурой южных и западных славян. Поэтому на протяжении столетий в трудное время владычества иноземных феодалов многие славянские деятели литературы, искусства, просвещения обращались к наследию Древней Руси вообще, Галицко-Волинского княжества в частности. Воспоминания о его прежнем блеске и величии поддерживали дух освободительной борьбы украинского народа в XV—XVIII веках. Не случайно ряд письменных памятников, в том числе Волинский летописный свод, не раз читали, переписывали и переделывали в позднейшие столетия. Во всем этом нельзя не увидеть проявления общей закономерности: все лучшее из культуры прошлых эпох не теряется, а используется для создания новых культурных ценностей, отражающих новую социально-экономическую и политическую реальность.